

Шилина Светлана Александровна

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ Н. ЛУМАНА

Решение социальных проблем зависит от ситуаций, существующих в обществе, и властных отношений, реализуемых в коммуникации. Поэтому мы обратились к рассмотрению коммуникации властных отношений. Современные информационные технологии основаны на различных кодах, поэтому так важно рассмотреть общее направление исследования коммуникаций как сенсорного (смыслового) кода, который помогает разобраться в отношениях субъекта и объекта власти. В связи с этим социолингвистические аспекты феномена власти имеют в современном мире особое значение. Вопросам власти в качестве коммуникативного кода уделял большое внимание немецкий ученый Никлас Луман. В русле целостного исследования социолингвистических концептов "власть" и "язык" представляется актуальным обращение к рассмотрению этих концептов как трансляции коммуникации. Особенность данной темы заключается в том, что языковые реалии в конечном счете направлены на установление партнерских отношений, на сближение общества и субъектов политической власти, что сейчас, в условиях проведения административной реформы и предстоящих важных политических событий очень актуально.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ Н. ЛУМАНА

Шилина С. А.

Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Головачевой О. А. и к.ф.н., доц. Тарико О. С.

Решение социальных проблем зависит от ситуаций, существующих в обществе, и властных отношений, реализуемых в коммуникации. Поэтому мы обратились к рассмотрению коммуникации властных отношений. Современные информационные технологии основаны на различных кодах, поэтому так важно рассмотреть общее направление исследования коммуникаций как сенсорного (смыслового) кода, который помогает разобраться в отношениях субъекта и объекта власти. В связи с этим социолингвистические аспекты феномена власти имеют в современном мире особое значение. Вопросам власти в качестве коммуникативного кода уделял большое внимание немецкий ученый Никлас Луман. В русле целостного исследования социолингвистических концептов «власть» и «язык» представляется актуальным обращение к рассмотрению этих концептов как трансляции коммуникации. Особенность данной темы заключается в том, что языковые реалии в конечном счете направлены на установление партнерских отношений, на сближение общества и субъектов политической власти, что сейчас, в условиях проведения административной реформы и предстоящих важных политических событий очень актуально.

Общетеоретические идеи и оригинальные методики, предложенные Никласом Луманом в его фундаментальных и ныне весьма востребованных исследованиях, играют важную методологическую роль в решении актуальных задач и конкретных практических вопросов, что как предмет изучения находится в центре внимания представителей различных научных дисциплин. И в этом качестве работы Н. Лумана в известной степени предопределяют успех междисциплинарных изысканий.

Такие основополагающие для многих социально - гуманитарных наук понятия, как «общество», «власть», «язык», «коммуникация» ученый рассматривает в свете теории аутопойетических систем. Переводчик и комментатор лумановских трудов А. Ю. Антоновский следующим образом семантизирует термин «аутопойезис»: «это такая организация, которая является своим «собственным состоянием», то есть таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты» [Антоновский 2004: 219]. В этом смысле «общество является системой, определяющей себя - полностью и исключительно - при помощи себя самой» [Луман 2004: 102]. С другой стороны, «общество - это коммуникативно закрытая система. Оно порождает коммуникацию через коммуникацию. Его динамика состоит в воздействии коммуникации на коммуникацию» [Луман 2004: 101]. Язык как одна из исторически первых развитых коммуникативных систем также относится к явлениям аутопойезиса. Так, А. Ю. Антоновский, комментируя лумановские положения, замечает: «Язык как особая система позволяет говорить о языке, то есть о себе самой и через себя решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить» [Антоновский 2004: 219]. (В лингвистике в этом случае различают язык (объект) и метаязык («язык второго порядка»), на котором говорят о языке.) Власть, в лумановской трактовке, - это «символически генерализованное средство коммуникации» [Луман 2001: 10]. Таким образом, на самом высоком уровне абстракции органичным и закономерным представляется объединение в одном проблемном поле таких универсалий, как «общество», «власть», «язык».

Основанием для целостного лингвосоциологического рассмотрения таких концептов, как «власть» и «язык», является хотя бы то, что языковой код - это средство трансляции коммуникаций, то есть то, на что ориентируются коммуникации в процессе образования их неслучайных последовательностей [Антоновский 2004: 221]. Необходимость подобных целостных исследований заявлена и в отдельных критических замечаниях Н. Лумана, адресованных классической науке. Она, по мнению ученого, «оставила непроясненными вопросы коммуникации и мотиваций», в частности, «что заставляет нас принимать и развивать те или иные коммуникации» [Луман 2001: 12].

Для решения целого ряда конкретных практических задач важность приобретает вопрос о языке власти, но не в смысле «власти» языка (что вытекает из теории лингвистической относительности Сепира - Уорфа), а в частности, о том, как через язык власть объективирует и реализует себя и как социальный институт и как важнейшее коммуникативное средство, каков механизм селекции социально индуктивных смыслов, как порождаются и реализуются в коммуникации соционормативные элементы, почему выбор языкового кода (например, стилистических параметров текста или конкретного этнического языка) оказывается коммуникативно значимым - эффективным или нет. Полезным или вредным для выполнения коммуникативной задачи. Нет необходимости долго доказывать, насколько коммуникативно маркированными, сопряженными с актуальным смыслом являются вышеназванные языковые реалии. Власть не сможет реализовать собственную коммуникативную сущность, если в своем соционормативном компоненте проигнорирует узуальные языковые «формулы власти». Н. Луман проясняет глубинный механизм подобного коммуникативного фиаско, доказывает, что оно носит универсальный характер. В случае пренебрежения «формулами власти» произойдет разрушение «смысловых идентичностей», которые «могут порождаться лишь рекурсивно». Однако, согласно закону о единстве и борьбе противоположностей, некое разрушение, некий «стилистический шум» в коммуникации может служить и делу обретения «смысловых идентичностей».

Отдельным языковым единицам изначально свойственна стилистико-смысловая «рекурсивность» - определенная обращенность к прошлому. К числу единиц, отмеченных ею, следует отнести прежде всего арха-

измы. А если иметь в виду возврат к долитературным кодам (формам) языка, то в границы явления языковой рекурсивности необходимо включить и все внелитературные единицы. Общественно - историческая практика знает примеры эффективного использования для достижения «смысловой идентичности» подобного рода рекурсивности. Это и церковнославянизмы «братья и сестры» в речи Верховного главнокомандующего в начале Великой Отечественной войны, это и «замочить в сортире» в речи современного руководителя.

Через одно из важнейших понятий в теории Н. Лумана - «двойную контингенцию» - следует трактовать и необходимость для власти нахождения общего языка с народом, и необходимость поисков оптимального решения вопроса о государственном (-ых) языке (-ах). Проблема «двойной контингенции» решается Н. Луманом в аксиологическом плане - обращением к гипотетической сумме общих норм и ценностей. «Двойная контингенция» диктует ориентации коммуникаций на общий коммуникативный код.

Язык как некая наднациональная абстракция реально представлен этнически закрепленными вариантами. Выбор адекватного коммуникативному целеполаганию варианта, коррелятивного с внеситуативными этническими атрибутами обеспечивает успешное функционирование власти как генерализованного средства коммуникации в обществе, которое является системой коммуникационных систем. Понятно, что иноэтническая, например, оккупационная или колониальная власть потерпит рано или поздно как минимум коммуникативный крах, если будет представлять социально значимую информацию не на языке социума, а, допустим, на языке международного общения, не говоря уже - на «своем» языке. И дело не только в возможном незнании языка. Выбор национального языка окажется значимым для «смысловой идентичности». Сказанное в равной степени относится и к акустической разновидности языка, и к оптической (графической системе).

Вывод Н. Лумана о смысловой бинарности языка (равной возможности выражать и «да» и «нет») может быть использован и для анализа бинарности иного порядка, где смыслозначимым оказывается выбор кода в бинарном поле «свое - чужое». Сказанное относится и к ситуации выбора кодового знака в условиях коэтнической социуму власти и коэтнического ему государственного языка. В языках с развитой уровневой системой сосуществуют семантические эквиваленты, отличающиеся различной этимологической маркировкой в оппозиции «свое (исконное)» - «чужое (заимствованное)». Для достижения коммуникативного успеха целесообразно осуществлять выбор в пользу исконной единицы. Это полезно, во-первых, для избежания необходимости разъяснений, комментариев, по Н. Луману, «повторного ввода». Во-вторых, как подчеркивает ученый, «...социальные системы... различают само - референцию и ино - референцию», что, безусловно, сказывается на процессах и результатах коммуникации. И здесь поэтому есть основания отрицательно оценить перегруженность в нашей стране иноязычной лексикой всех коммуникационных систем.

Требования к власти как социальному институту сводятся к осуществлению ею в этом качестве такой языковой политики, которая способствовала бы лучшему функционированию власти в «ипостаси» «генерализованного средства информации». Подобное требование тем более обоснованно, что оно вытекает из лумановской трактовки языка. В отличие, например, от структуралиста Соссюра, на которого указывает и сам Н. Луман, последний утверждает, что «языку не присущ никакой собственный тип оперирования»; что язык «должен существовать либо как мышление, либо как коммуникация, что язык, следовательно, не является настоящей системой» [Луман 2004: 116]. Из сказанного следует: язык, не будучи «настоящей системой», зависит в известной степени от «сознания и систем коммуникации общества», среди которых «генеральной» является власть.

В работах Н. Лумана постулируется генезисно - функциональная эволюция взаимосвязанности власти, языка и письма. Так, «социальные системы возникают прежде всего из необходимости селективного согласования» [Луман 2001: 13]. В «простых обществах» процесс селекции обеспечивают, в терминологии Н. Лумана, «конструкции реальности» [Луман 2001: 14]. Они - и смысловая основа всех процессов коммуникации, и средство локализации ее, и примитивно-предметный код. С развитием фонетического языка появляются знаки - слова с общественно узаконенным «ближайшим значением» (термин выдающегося лингвиста А. А. Потебни), непосредственно обращенным к разрозненным донаучным представлениям и данным ограниченного опыта. Такой код был достаточно эффективным для условий примитивной социальности, для небогатой своим выбором селекции и коммуникации, столь же ограниченной в наборе коммуникативных ситуаций. Можно сказать, что в примитивных обществах коммуникативна (семантически валентна) власть конситуации и слова. Однако даже такая власть артикулирует социальный смысл, обращенный к социальному опыту, ограниченному рамками «конструкций реальности». Власть языка, который, как известно, допускает равномотивированный выбор между «да» и «нет», заключает в себе потенциал конфликтности даже в мини - социуме. Естественно, что возникают «в помощь языку» дополнительные средства коммуникации, призванные более оперативно и эффективно осуществлять селекционные операции.

В развитых обществах осуществляется и функциональная дифференциация языкового кода, и формируются, в дополнение к нему, новые средства коммуникации, в том числе и власть, «которая специально обусловливает и регулирует мотивацию принятия селективных предложений» [Луман 2001: 14]. Но возникшая ситуация сделала возможным взаимное усиление и потенциала конфликта, и потенциала согласия. В то же время возросла и возможность выбора и диапазон выборов на основе более адекватных и разнообразных содержательных проекций, чем предлагает «ближайшее» значение слова, соотношенное лишь с конкретными «конструкциями реальности», ограниченной примитивным житейским опытом и авторитетом короткой темпоральной проверки. В силу этого у слова развивается «дальнейшее» значение и полисемия - в целях разре-

шения противоречия между безграничностью познания жизни и ограниченностью оперативной памяти человека коммуницирующего. Язык утрачивает свою коммуникативную монополю, а языковой знак - коммуникативную «сакральность». Язык стал обслуживать более совершенную коммуникативную систему - власть.

Для появления особых символизированных средств коммуникации, по мнению Н. Лумана, особую роль сыграла письменность. Она вывела коммуникативный потенциал за рамки интеракции коммуникантов и как следствие - освободила от надзора конкретных систем интеракции. Важное значение имела письменность и для совершенствования власти. Н. Луман считает, что, во-первых, письменность предопределила возможность «выстраивать комплексные сети власти внутри политико - административной бюрократии», во - вторых, дала возможность осуществлять демократический контроль над политической властью, в - третьих, способствовала обеспечению дискурсивного развития более комплексных связей, ориентирующихся на код истины, ибо дифференцирующая функция кода истины может «работать» лишь в условиях письменно зафиксированной системы идей.

Таким образом, язык выступает неким импульсом для развития коммуникативных систем, и что особенно важно - власти, ибо она в интерпретации Н. Лумана является «символически генерализованным средством коммуникации» [Луман 2001: 10]. Функционально и власть, и прочие коммуникативные средства - это некие дополняющие язык «инстанции». Онтологическая значимость главнейшей из подобных инстанций - власти - заключается в том, что она, в отличие от языка, обладает функцией мотивации, то есть «способствует принятию чужих селекционных достижений... в нормальных условиях делает это принятие желанным» [Луман 2001: 16]. Из этого вытекает вывод об условиях формирования коммуникативных средств. Они рождаются там и тогда, где и когда «способ отбора одного из партнеров выступает для другого мотивационной структурой», импульсом для своего отбора. Иными словами, власть лишь тогда эффективно функционирует, когда ее отбор эксплицитированный и в слове, и как - нибудь по - иному выступает по отношению к социуму мотивационной структурой. Исходя из данного теоретического построения, можно представить структурно - функциональные компоненты коммуникативного саморазвития. Н. Луман поясняет: «Тогда символы этого единства селекции и мотивации берут на себя функцию посредника и проясняют связь обеих сторон» (партнеров коммуникативного действия). Эта связь, «будучи связью предвосхищаемой, может, в свою очередь, усиливать селективность и дополнительно ее мотивировать» [Луман 2001: 16].

С другой стороны, заслуживающей внимания особенностью коммуникативных средств выступает их способность предполагать социальные ситуации с возможностью выбора для каждого из участников коммуникации. Одновременно средства коммуникации органично комбинируют общность ориентации отбора и его идентичность. Власть в роли коммуникативного средства функционирует лишь при таком условии. Власть необходима потому (и в этом «оправдание» ее бытия), что она «своей обоюдонаправленной селективностью... упорядочивает социальные ситуации» [Луман 2001: 17-18]. Стало быть, секрет социальной стабильности прост - обратная связь, тайна демократии прояснена - отбирая, учитывая отбор других.

Трактовка власти как «генерализирующего средства коммуникации» высвечивает и механизм манипулирования общественным сознанием. Как утверждает Н. Луман, «фундаментальное условие всякой власти» - это то, что в отношениях «селекции возникает некоторая неопределенность». Потому «Альтер» может либо поддержать у партнера неуверенность, либо устранить ее. Такое непрерывное порождение неопределенности (а значит, и неуверенности!) и ее устранение (а следовательно, и возможность «навязывания» своего выбора) и есть основная предпосылка осуществления власти. Потому властное «безмолвование» тоже коммуникативно значимо. Оно не только может свидетельствовать о кризисе системы, но выдавать намерение поддержать неопределенность, неуверенность с тем, чтобы нейтрализовать селективные намерения партнера. Значит, всегда необходимо учитывать, что говорят, когда не говорят, подвергать селекции с точки зрения содержания в них смысла «да» или «нет».

Идеи Н. Лумана оказываются продуктивными и для объяснения другой стороны своеобразной «фигуры умолчания», к которой с определенными целями может прибегать власть. Иными словами, в системе лумановской парадигмы лежит и ответ на банальный вопрос, почему власть боится даже тогда, когда она не проявляет себя в репрессивном действии. Известны ситуации, когда «Альтер» (здесь синоним - власть) никоим образом не манифестирует себя по отношению к выбору, который может сделать «Эго». Однако «Эго» осуществляет выбор с «оглядкой» на реакцию «Альтер». Дело в том, что «смысловые идентичности» (эмпирические объекты, символы, знаки, в данном случае - власть как социальный институт) обладают известной «рекурсивностью». Закономерно потому, что «смысл подобных сущностей выходит далеко за пределы того, что можно постичь в момент операции наблюдения», ведь подобные сущности непременно существуют как идеальные субстанции и тогда, когда они не наблюдаются. В известной мере рекурсии, указывая на прошлое, на некий эмпирически удостоверенный смысл, указывают и на возможный вариант будущего. Применительно к власти она объективирует себя через язык (в нем есть слово «власть») даже тогда, когда не материализует себя в речевом или ином действии. Но демократическое и авторитарное молчание власти ориентированы соответственно на такие «формулы» власти: «все, что не запрещено, разрешено», и «все, что разрешено, не запрещено».

Исходя из понятия «модальная генерализация», Н. Луман анализирует ситуацию поддержания властью имиджа. Власть, безусловно, восприимчива к противостоящей ей действительности. Вследствие этого порождается «метакоммуникация» по поводу власти. Данная «метакоммуникация» может проявляться в раз-

личных формах: либо имплицитно - «в форме молчаливого предпонимания, такого ожидания ожидания», либо эксплицитно - в форме косвенных указаний, риторических вопросов, намеков. «Сформулированная» на уровне текста власть приобретает характер угрозы. Однако, как правило, в метакоммуникации угроза вуалируется на, в данном случае можно сказать, «метатексте», то есть указанием на правовые документы, предусматривающие некие санкции.

Касается Н. Луман и вопросов об эффективности власти, рассуждает и о природе принуждения. По мнению ученого, с увеличением «свобод подчиненных власть усиливается», а к принуждению, как это ни парадоксально, «прибегают ввиду недостатка власти» [Луман 2001: 18-19]. Иными словами, слабость диктатуры (с точки зрения функциональной) в ее силе, связанной с возможностью отказаться от управления селекцией партнеров и осуществлять ее в одиночку.

В противовес диктатуре органичным и целесообразным источником усиления (интенсификации) власти Н. Луман считает возможность генерализации символов. Она лежит в основе дифференциации кода и процесса коммуникации. Генерализация - это «обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнерами в разных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений» [Луман 2001: 52]. Таким образом достигается относительная свобода от ситуации. К тому же символизация (символы, символические коды) - это «упрощенное выражение некоторой комплексной интерактивной ситуации, которая в результате символически переживается как единство» [Луман 2001: 52-53]. Языковые знаки - слова обладают обобщающей потенцией, потому конститутивные условия коммуникативного средства «власть» освобождаются от необходимости непрерывно «тематизироваться» в сознании коммуникантов. В этом, естественно, и заключается преимущество языка перед другими средствами коммуникации, Н. Луман полагает, что именно язык «подготовил для целей символизации такие диспозиционные понятия», как «сила», «способность», «потенция» [Луман 2001: 53].

Обращаясь к важнейшему для своей парадигмы понятию «код», Н. Луман все время отмечает, что язык - это главнейшее «медийное средство». Код для Н. Лумана - это «такая смысловая структура, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент». Выстраивая эволюционную иерархию кодов, Н. Луман замечает: «В сфере социокультурной эволюции наиважнейший код (имеется в виду власть) образуется с помощью языка» [Луман 2001: 54]. Однако язык как код обладает той особенностью, что он «связан со способностью отрицания таким образом, что любое высказывание одновременно представляет в распоряжение важнейших языковых функций точно соответствующее ему отрицание». Данное обстоятельство можно квалифицировать и как естественный недостаток языка. Он компенсируется дополнительными по отношению к языку инстанциями. Они в совокупности с языком «играют большую роль в выстраивании комплексных систем», через которые и самоорганизуется общество [Луман 2001: 55].

Понятно, что главной (генерализующей) функцией властной коммуникации является влияние. Его Н. Луман подает как «трансляцию результатов редукции», как «основу различных возможностей селекции», как основу «универсального смыслового ориентирования». Смысл же конституируется и генерализуется «временным, предметным и социальным горизонтом». Как известно, семантика перечисленных «горизонтов» (в традиционной терминологии - «семантика возможных миров») связана с языком, потому и в этом качестве язык подтверждает свой статус «важнейшего инструмента генерализации».

Влияние - неперенное условие и средство упорядочивания необъятного в своей комплексности и непрерывного в своем развитии бытия. Социальный и психический мир - это две составляющие, «присутствующие» в каждом индивиде. Эти миры регулируются и объединяются смыслом, генератором, селекционером и проводником которого выступают власть и язык.

Список использованной литературы

1. Антоновский А. Ю. Социальные системы Никласа Лумана // Луман Н. Власть / Перевод с немецкого А. Ю. Антоновского. - М.: Практикс, 2001. - С. 223-249.
2. Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологические основания и источники социологического конструктивизма // Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. / А. Антоновский. - М.: Издательство «Логос», 2004. - С. 210-228.
3. Иванов Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1982.
4. Луман Н. Власть / Перевод с немецкого А. Ю. Антоновского. - М.: Практикс, 2001. - 256 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. / А. Антоновский. - М.: Издательство «Логос», 2004. - 232 с.
6. Потебня А. А. Мысль и язык // Слово и миф. - М., 1989. - С. 17-201.